

УДК 316.472.45

DOI: 10.17223/1998863X/36/31

Е.И. Самофалова

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

Рассматриваются социальные сети в образовательной миграции из Китая и перспективы их развития. В результате проведенного социологического исследования (используемые методы: составление матрицы социальных отношений и интервью) автор выясняет основные способы формирования социальных сетей мигрантами в стенах университета, исследует их внутреннюю и внешнюю структуру, выявляет механизмы взаимодействия членов сети с русскоговорящими студентами и преподавателями. Представлены основные проблемы, с которыми сталкивается образовательный мигрант из Китая при обучении. В заключение представлен список рекомендаций для более эффективного включения мигрантов в образовательную среду российского университета.

Ключевые слова: образовательная миграция, учебная миграция, социальные сети, мигранты из Китая.

Феномен образовательной миграции – это явление, присущее человечеству на протяжении всего времени его существования, более того, возможность получения образования увеличивает потенциальные возможности для перемещения. В настоящее время образовательная миграция в мире занимает около 15–20 % от общего потока, составляющего на конец 2015 года около 245 млн человек [14]; при этом благодаря неизбежным глобализационным процессам и общему расширению ментальных границ индивида в связи с развитием коммуникационных технологий и Интернета элитное высшее образование перестало считаться прерогативой исключительно европейских студентов. Именно мигранты из стран Азии – Китая, Индии, Кореи – занимают лидирующие позиции в образовательной миграции всех лидирующих вузов мира¹.

Ситуация с образовательной миграцией в России достаточно сложная. По словам ряда исследователей, по ряду объективных причин² после распада СССР данный тип миграции в нашей стране развивается бессистемно и медленными темпами [6. С. 106], поэтому Россия пока не может сравниться в объемах образовательной миграции с США, Великобританией или Францией. Тем не менее привлечение в отечественные университеты студентов из стран Азии имеет долгосрочную благоприятную перспективу. Так, для России интересен миграционный потенциал стран Востока как давних торговых партнеров и, возможно, партнеров стратегических. Во-первых, наличие в вузе студентов из других стран – это существенная имиджевая характеристика,

¹ Например, в 2011 году общее количество студентов-мигрантов из Китая составило 500 тысяч, из Индии – 200 тысяч человек [3. С. 16].

² Подробнее о причинах можно познакомиться в работах Л.Л. Рыбаковского, Л.А. Арефьева, С.В. Румянцев, А.Г. Ларина, В.Ю. Леденевой и др.

статусный показатель, демонстрирующий обширные возможности вуза в плане обучения. Во-вторых, это один из объективных критериев наличия в университете качественного образования, которое востребовано в других странах мира. Наконец, это и возможность предоставления вузу дополнительных материальных и социальных ресурсов как на федеральном, так и на региональном уровне.

С другой стороны, образовательная миграция – это зачастую сосуществование рядом двух разных культур со своими особенностями и традициями обучения. Причем первоначальные причины миграции могут быть различными: от обычного переезда в другой город или страну для получения образования до стремления изучить новые методики преподавания в аутентичной среде. Иногда в образовательной практике миграционные процессы или интерес к изучению того или иного предмета могут быть спровоцированы и совершенно неожиданными факторами, например так называемой Корейской волной 2012–2013 годов, вызванной песней рэпера PSY “Gangnam style”, когда среди молодежи всего мира наблюдался всплеск интереса к культурной и образовательной жизни Южной Кореи, а также резко увеличилось количество образовательных мигрантов, желающих изучать корейский язык [11].

Однако в большинстве случаев студент-мигрант при переезде в другую страну для обучения находится в невыгодной для себя психологической позиции. В социологии такое состояние называют культурным шоком, понимая под ним «умственное, физическое и эмоциональное приспособление к жизни в чужой стране, в новой для человека среде...» [13]. Особенно это характерно для представителей азиатских культур [22]: так, например, в Китае, чьи студенты-мигранты являются объектом для изучения данного исследования, в соответствии с традициями конфуцианства система взаимоотношений ребенок – взрослый характеризуется «патриархальностью, патрилинейностью и патрилокальностью» [9]. Это означает, что образовательный мигрант из Китая даже в сегодняшнее время может получать социально значимое или желаемое, с точки зрения родителей, образование в другой стране, но для него лично оно не будет обладать никакой значимостью и вызывать только негативный отклик. В исследованиях, посвященных описанию данного феномена,¹ указывается, что в подобных случаях одной из центральных задач при взаимодействии студента-мигранта и преподавателя университета является «необходимость поддержания баланса между необходимостью информирования... о существующих культурных различиях и... избеганием преувеличения значимости этих различий» [8. С. 49]. На практике это реализуется не только через индивидуальное взаимодействие, но в большинстве случаев путем включения образовательного мигранта в социальные сети университета, начиная от наличия в учебниках (или семинарах) соответствующих тем до участия студентов в различных общекультурных занятиях и психологических тренингах.

¹ См., например, работы Е.В. Афонасенко, О.Б. Михайловой, Е.В. Клименко.

Взаимодействие студента в социальных сетях является основным способом успешной адаптации к изменившимся условиям жизни.¹ Социальные сети – это та часть жизни, без которой в современном обществе невозможно нормальное функционирование индивида. Общеизвестно, что образовательные взаимосвязи наряду с родственными и дружескими являются одними из самых крепких, так как приносят постоянную выгоду всем членам социальной группы. Укрепление и расширение социальных сетей образовательных мигрантов силами университета – это возможность не только повысить качественные показатели во время учебы, но и образовать и поддерживать долгосрочную благоприятную образовательную среду, позволяющую наращивать социальный и культурный капитал. Изучение механизмов взаимодействия социальных сетей в миграции также поможет сформировать в современном университете более эффективную образовательную среду, выгодную обеим сторонам образовательного процесса.

Иностранные студенты из Китая представляют собой в данном случае наиболее привлекательный объект для изучения в связи с растущей в последнее время популярностью получения высшего образования в России в этой стране. Прошедшие не так давно Год русского языка в Китае (2009) и Год китайского языка в России (2010) значительно повысили двусторонний миграционный интерес. Так, согласно данным статистики, китайские мигранты – самая многочисленная образовательная группа в стране, причем их численность неуклонно растет – от 14 тыс. в 2006–2007 годах (15% от числа всех образовательных мигрантов), 16 тысяч в 2011-м (14% от общего числа иностранных студентов) и 20,5 тысяч в 2014 г.² Для этого есть несколько объективных причин: территориальная близость стран, длительная история плодотворных взаимоотношений между местным населением и мигрантами, система поддержки грантами и различными программами обмена местными университетами и вузов Китая [9] и одновременно относительно дешевое обучение в местных вузах в целом.

С другой стороны, по результатам социологических исследований³, в Россию едут учиться те студенты из Китая, образовательный уровень которых сравнительно низок. Однако российское образование, возможно еще с советских времен, считается достаточно престижным, и выпускник, вернувшийся после обучения на Родину, автоматически попадает в социально-культурную элиту своей страны [7. С. 235].

Несмотря на относительно положительную тенденцию в российской образовательной миграции, сам процесс обучения студентов из стран Азии в российском университете обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать. Так, в приведенных ниже результатах социо-

¹ В данном случае понятие «социальные сети» обозначает одно из основных понятий в социологии, то есть тип социальных взаимоотношений с регулярным, основанным на доверии к друг другу и корпоративном поведении членов сети. Популярная, большая социальная сеть обычно действует как единый механизм, осознается как единство и представляет себя в социальной структуре как автономного, независимого актора. Термин был введен в науку Дж. Барнсом в 1954 году [15].

² Данные взяты из: *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России, Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования, статистики OESD.

³ См. работы А.Л. Ларина, П.Н. Калмыкова, Е.С. Анохиной, монографию о мигрантах из стран Азии под ред. Е.Ю. Кошелевой и др.

логического исследования выявлены основные аспекты взаимодействия образовательных мигрантов из Китая в двух университетах Томска – ТГУ и ТПУ. Основной целью работы является определение образовательных и социальных практик образовательных мигрантов на локальном уровне для их включения в социальные сети университета и дальнейшего успешного обучения.

На начальном этапе исследование проводилось методом снежного кома: каждый респондент отвечал на вопросы интервью и составлял социальную матрицу отношений по методу генератора позиций в его узкой социальной образовательной университетской группе (а не группе общения). Опрос проводился на родном языке респондента (китайский), что позволило снять языковой барьер и в большей степени расположить его к себе. В общем было опрошено 30 студентов, при этом основные демографические характеристики мигрантов (пол, возраст, материальный доход) и образовательные аспекты (год обучения, получаемая специальность) первоначально не учитывались, в отличие от фактора знакомства между собой (это позволило в дальнейшем составить общую социальную сеть). Тем не менее после сбора данных полученные результаты оказались релевантными по основным демографическим признакам. Распределение опрошенных по специальностям также соответствует реальной образовательной ситуации с российским образованием в среде образовательных мигрантов: половина опрошенных студентов изучают русский язык или общую филологию на филологическом факультете ТГУ, все остальные факультеты представлены одним человеком на каждый. Подобное распределение характерно в целом для мигрантов из Китая: согласно социологическим исследованиям, типичный студент-китаец в России – это молодой человек 22 лет, «выбирающий гуманитарную специальность, прекрасно владеющий компьютером, но... практически не подготовленный к жизни в новом социокультурном окружении» [9. С. 106].

По результатам исследования выяснилось, что социальные сети студентов ТГУ и ТПУ не пересекаются между собой: несмотря на довольно большое общее количество студентов-китайцев в Томске (по данным Томского комитета статистики на 2015 год, их было около 450) из 141 упомянутых в интервью или при составлении социальной матрицы индивидов между университетами не было отмечено ни одного общего знакомого. Это несколько противоречит традиционным представлениям о китайских студентах как о диаспоре или глобальной социальной сети с несколькими лидерами на вершине [15], однако косвенно подтверждает гипотезу исследования о наличии узких, закрытых (или замкнутых) социальных сетей.

Далее, социальные сети студентов ТГУ и ТПУ в целом сильно разнятся между собой по количеству участников: в среднем в социальную сеть образовательного мигранта из ТГУ включено 10–12 человек, из ТПУ – 6–7. Социальные сети студентов ТГУ пересекаются между собой (из 15 опрошенных в этом вузе только двое общаются в собственной узкой сети), у студентов ТПУ это количество составляет 13 из 15. Следует учитывать, что при этом объективные, количественные показатели по иностранным студентам выше именно в ТПУ.

Существует также зависимость охвата социальной сети от демографических характеристик (пол опрошенных) и факультета обучения. Так, около половины опрошенных из ТГУ обучаются на одном факультете, все они –

женского пола. Напротив, в ТПУ в среднем разброс по факультетам составил 1–2 человека, процент юношей и девушек 70% на 30%. Данные показатели вполне соответствуют традиционным учебным профилям университетов.

Следует также сразу отметить некоторые особенности проведения исследования. Ответы на интервью были очень стандартными с точки зрения богатства русского языка: зачастую состоящими из одного-двух предложений, без описания деталей. Студенты ТПУ также оказались в целом намного менее разговорчивы и более стеснительны; диалог с ними был в достаточной степени затруднен, несмотря на формальное выполнение всех коммуникационных требований исследования. Было выявлено, что основная причина этого – недостаточное знание русского языка

В основном тип взаимосвязей в социальных сетях образовательных мигрантов из Китая линейный или по цепочке от «главного». Однако при проведении интервью респондентами постоянно подчеркивался коллективный и иерархический характер отношений в собственной социальной сети (например, при опросе девушки обязательно называли студенток старших курсов «старшая сестра», подчеркивая тем самым их социальное положение)¹, противопоставлялись русские студенты и собственная социальная сеть – студенты-китайцы. Собственное место в социальной сети оценивалось в основном с точки зрения знания русского языка и затрудненного в связи с этим процесса коммуникации с другими студентами. Курс обучения также имеет значение: парадоксальным образом для китайских студентов-мигрантов существует прямо пропорциональная зависимость количества взаимосвязей от года обучения: на первом курсе это число достаточно широко, в него могут быть включены не только представители Китая, но уже к третьему курсу число взаимосвязей сужается до трех-четырех соотечественников; в магистратуре таких взаимосвязей одна-две. Сама сеть при этом находится в состоянии когнитивного психологического баланса, когда все ее участники не испытывают друг к другу негативных чувств [4. С. 19].

Недостаток общения с носителями языка – одна из ключевых проблем при формировании социальных сетей образовательных мигрантов. В связи с этим, несмотря на то, что процент присутствия в социальных сетях русских студентов был крайне мал – всего 2 человека из 141 упоминавшихся при интервью – в целом они получили высший ранг – 30. Полученные данные соответствуют взглядам Грановеттера на природу социальных связей в сетях, когда слабые связи обладают большим весом, так как служат способом получения новой информации об окружающей действительности [5. С. 35]. Другие национальности также, с точки зрения опрошенных, не владеющие русским языком в достаточной мере, оказались практически исключенными из образовательной социальной сети, получив всего 0,7% и ранг 5 по совокупности всех национальностей². Это означает, что знание русского языка

¹ В конфуцианстве существует понятие «*pei du ma mas*» [18] («study mother» по-английски и «обучающая мать» по-русски), обозначающее ключевую роль матери в обучении детей и контроле за их жизнью в целом. В данном случае студенты высших курсов рассматриваются опрашиваемыми именно в этом аспекте.

² При ответах на вопросы упоминалось всего 9 человек других национальных групп, среди них жители Турции, Чехии, Абхазии, Чечни, Ирана, Индии, Франции, Израиля и Южной Кореи.

является для китайских студентов одним из основополагающих оснований для включения личности в социальную сеть.

В общем случае количество личных взаимосвязей отдельного респондента, тех индивидов, которых он включает в собственную социальную сеть и называет друзьями или, по крайней мере, значимыми для него личностями, варьируется от 2 до 6 человек. Этот показатель можно считать средним, опираясь на различные психосоциальные исследования личности. Однако показатель плотности социальных сетей¹ образовательных мигрантов достаточно велик и составляет 141 человека на 30 опрошенных, или примерно 4,5 контакта на одного опрошенного вне зависимости от демографических и социальных характеристик.

Обратимся далее к способу вычисления общего ранга студента в социальной сети. При ответе на вопрос «Проранжируйте, пожалуйста, членов Вашей группы по степени близости (сперва назовите самого близкого для Вас человека, потом менее близкого и т. д.)» каждый студент, упоминаемый в списке, получал балл (ранг), соответствующий его месту в списке. При дополнительном упоминании его в анкете другого опрошенного баллы суммировались. Нулевой ранг студент мог получить, если его имя упоминалось при дальнейших ответах на вопросы, но не при ответе на первый (то есть опрашиваемый не включал его в собственный список близости). Полученные данные представлены в таблице:

Таблица

Ранг студентов по степени близости в локальной социальной образовательной сети

Ранг	Частота упоминаний (в зависимости от количества членов сети)	% от общего числа членов сети
0	27	19,1
1	13	9,2
2	12	8,5
3	16	11,3
4	6	4,2
5	10	7,0
6	10	7,0
7	14	9,9
8	9	6,3
9	4	2,8
10	5	3,5
11	3	2,1
12	1	0,7
13	2	1,4
14	2	1,4
15	1	0,7
16	1	0,7
17	2	1,4
18	2	1,4
30	1	0,7

Ранг выше 10 – это число считается релевантным при упоминании о высокой значимости личности в социальной сети при данном количестве опро-

¹ В данном случае учитывается два основных фактора: количество человек в социальной сети, а также среднее количество взаимосвязей, приходящееся на одного индивида.

шенных в методе генератора позиций – получили 18 человек из 141, упомянутого в сети, или 12,7% от всех членов сети в целом. Из них – 8 девушек и 4 юноши, за исключением одного обучающегося на последних курсах. Исходя из дальнейших ответов на вопросы (подобный метод ранжирования при генераторе позиций [21. Р. 122])¹, можно сделать вывод, что эти люди обладают следующими характеристиками:

- являются старостами в группах (5 человек из 18);
- являются лидерами мнений в своей узкой социальной сети;
- имеют высокие баллы при обучении;
- с точки зрения опрашиваемых, свободно владеют русским языком;
- могут свободно общаться с другими русскоговорящими студентами и преподавателями;
- могут решать бытовые проблемы других студентов-соотечественников;
- имеют собственное мнение, не боятся его высказать;
- организуют национальные социальные мероприятия для других студентов и участвуют в университетских мероприятиях;
- могут помочь при обучении другим членам социальной сети;
- являются соседями по парте с опрашиваемым респондентом;
- ведут научную работу;
- хорошо готовят традиционную пищу.

При обсуждении данных вопросов также встречалось разделение по гендерному признаку: *«он единственный парень в группе, значит должен быть лидером»*, что объясняется традиционным взглядом на отношения, свойственным образовательным мигрантам из Китая. Таким образом, можно говорить о том, что для студентов-китайцев значимыми людьми в социальной сети являются те индивиды, которые обладают основными характеристиками личности, достаточно ассимилированной в чужой социальной среде и свободно выходящей за рамки узкой социальной сети соотечественников. При этом двое из опрошенных оказались в числе 12 лидеров ранга и оценили собственную позицию как значимую и значительную для других членов сети.

С другой стороны, аутсайдеры, получившие маленький ранг или не имеющие его вовсе, не обязательно обладают какими-либо отрицательными характеристиками: в более чем половине случаев это просто люди, не включенные в социальную сеть респондента или групповую сеть (то есть понятие «аутсайдер» идентично понятию «незнакомый человек»). Примерно треть опрошенных вообще предпочли не отвечать на этот вопрос, объясняя свой выбор нежеланием говорить плохо о других людях или отсутствием в их сети аутсайдеров в принципе. Среди других аспектов можно выделить следующие:

- недостаток общения *«она проводит с нами мало времени, мы ей не нужны»*;
- эгоизм индивида *«...она вспоминает о других, только когда ей нужна помощь; «думает только о себе»*;
- чрезмерная общительность *«она слишком много говорит, это утомляет»*;

¹ В частности, на вопросы о лидере группы и том человеке, которого они могут попросить о помощи при подготовке к занятиям, о человеке, который помог бы им при изучении русского языка.

- личные качества индивида *«она слишком скромная; у него есть дурные привычки; у нас нормальные отношения, но разные, несовместимые характеры»; «не очень любит много общаться с людьми, и слишком мягкий характер»;*

- языковой барьер *«...[он] не говорит по-русски и по-китайски. А по-английски нам сложно общаться».*

При этом ответы на вопрос о том, кого бы респондент не стал просить о помощи при обучении русскому языку (схожий вопрос с позицией аутсайдера), продемонстрировали в 83% случаев исключительно отсутствие необходимых навыков, но не личных качеств обсуждаемого индивида.

Проводимое вместе свободное время является одной из необходимых характеристик любой студенческой социальной сети. Ответы на данный вопрос были достаточно стандартными и в основном касались личных качеств индивидов: честный, веселый, с ним интересно общаться. Важно также наличие дружеских взаимоотношений: *«она моя подруга, и нам нравится веселиться вместе»*, иногда встречались философские рассуждения: *«со всеми одноклассниками... каждый человек имеет свою положительную сторону. Проводя вместе свободное от занятий время, можно через развлечения увидеть достоинства других людей, поучиться, добиться успеха».*

Еще одна важная характеристика – совместное проживание. Обычно респонденты включали в свою узкую социальную сеть, отдавая им наивысший ранг, именно соседей по общежитию (среди опрошенных нет тех, кто снимает жилье в городе или живет в приобретенной квартире). При ответе на данный вопрос также выяснилось несколько любопытных особенностей:

- соседство с русскоговорящими студентами является значимым преимуществом в учебе для образовательных мигрантов из Китая, так как позволяет им совершенствовать язык и заводить новых друзей: *«я хотел бы жить с русскими одноклассниками, это помогло бы мне повысить уровень русского языка»;*

- если соседство возможно с китайским студентом – желательно, чтобы он хорошо учился или работал – это способствует хорошим профессиональным и дружеским отношениям: *«она каждый день работает, учится. Когда вместе, мы не болтаем попусту. Я не люблю людей, который болтают попусту за спиной».*

- хорошие привычки соседа по комнате – обязательное условие включения его в собственную социальную сеть. В противном случае респондент будет считать соседа аутсайдером: *«они должны быть аккуратными, если мы вместе будем жить, не будет напряжения»; «с нечистопотными людьми неприятно общаться»; «китайцы много сплетничают и постоянно щелкают семечки, это напрягает».*

Кроме того, вопреки некоторым сложившимся в обществе стереотипам о любви китайцев к общности, чувству солидарности с соседями и т.п. [19], около трети опрошенных живут в общежитии одни и полностью этим довольны.

Профессионально-образовательный аспект формирования социальных сетей является доминирующим в среде студентов-китайцев. На втором месте стоит знание русского языка, хотя бы основ, необходимых для успешного обучения. При этом возникают две основные тенденции: в тех студенческих группах, где студенты из Китая составляют большинство, они образуют

замкнутую социальную сеть и практически перестают общаться с русскоговорящими студентами, особенно на последних курсах обучения. При этом желание познакомиться с кем-то извне, подружиться и таким образом расширить собственную социальную сеть всегда озвучивается при интервью, но не реализуется на практике: «...все, кого я знаю, живут в моем общежитии. При встрече мы здороваемся, и все. Такого плана. – Устраивает ли вас ваш круг общения сейчас? Не очень. Из-за того, что я скоро возвращаюсь в Китай, я сознательно избегаю заводить много друзей». С другой стороны, в тех группах, где образовательные мигранты находятся в меньшинстве, они также создают собственную узкую социальную сеть, где владение китайским языком играет ключевую роль, и занимают пассивную роль при обучении и попытках преподавателей вовлечь их в общую социальную сеть: «Знакомых русских очень мало, знакомых китайцев тоже мало. Мой круг общения сравнительно узок. – С русскими тоже общаетесь? – Да, тоже общаюсь, но очень редко. Иногда ходим куда-нибудь вместе, на мероприятия в университете. – Устраивает ли ваш круг общения Вас сейчас? – Не устраивает. Знакомых очень мало. ...это... вопрос в общении. Нет общего языка, нет общих интересов».

В целом отношение к русским одноклассникам у образовательных мигрантов достаточно любопытное: большинство опрошенных называет их «друзьями», но вкладывает в это слово только формальное обозначение факта наличия в группе другого человека. Большинство опрошенных общаются с русскими студентами только на темы учебы, видя в этом основной плюс общения: «Я хотел бы жить с русскими одноклассниками, это помогло бы мне повысить уровень русского языка». Языковой барьер также упоминался в контексте общих интересов. Если говорить об отношении к русским студентам в целом, можно назвать его спокойным и благожелательным; респонденты всегда готовы к общению и находят его необходимым и привлекательным не только в профессиональном плане, но и для возможных дружеских взаимоотношений¹.

С другой стороны, при описании членов своей узкой сети респонденты были достаточно объективны. Так, в исследовании было предложено оценить трех наиболее значимых для них членов группы по шкале от 5 до 1, где 5 является максимально выраженной степенью признака по следующим критериям (см. Шкала 1). Представленные признаки являются, с нашей точки зрения, важными для успешного обучения образовательного мигранта и его успешной социализации в социальных сетях:

Шкала 1: Степень выраженности черт характера членов социальной сети

трудолюбив	5	4	3	2	1	ленив
одарен	5	4	3	2	1	бездарен
организован	5	4	3	2	1	неорганизован

¹ На основе нескольких исследований (в частности, статьи Л. Минь, монографии о китайских, вьетнамских, монгольских образовательных мигрантах в академической среде) можно отметить, что российские студенты относятся к образовательным мигрантам из Китая скорее нейтрально, чем благожелательно и в основном к активному общению не стремятся, если только оно не способствует их будущим профессиональным планам. С другой стороны, профессиональный уровень преподавательского состава также не всегда соответствует необходимому уровню обучения, поэтому могут возникать различные проблемные ситуации вплоть до культурного шока.

общительный 5 4 3 2 1 необщительный
раскованный 5 4 3 2 1 стеснительный
знает русский язык 5 4 3 2 1 не знает русский язык
помогает на занятиях 5 4 3 2 1 не помогает на занятиях .

При обработке результатов совпадений по индивидам – когда респонденты оценивали одного и того же человека – было найдено всего одно совпадение в ТПУ, когда респонденты одновременно являлись членами одной студенческой группы, соседями и лучшими друзьями. Они поставили друг другу максимальные оценки по всей шкале. В остальных случаях оценивание происходило в зависимости от субъективных оценок индивида, поэтому составить отдельные объективные портреты членов групп не оказалось возможным. Кроме того, из 89 примеров оценок 9 человек (или около 10%) оказались не принадлежащими к студенческой группе опрашиваемого респондента, но либо студентами другой группы или курса, или даже студентами в другой стране мира¹.

Распределение по полу – 60% женщин и 34% мужчин (около 6% приходится на ошибку выборки, так как респонденты отказались писать пол вносимого в таблицу индивида, идентифицировать же его(ее) по имени не оказалось возможным). Русских или русскоговорящих студентов среди оцениваемых также выявлено не было, все индивиды являются китайцами. Таким образом, можно предположить, что образовательные мигранты активно включены только в собственные узкие социальные сети, образуемые соотечественниками.

На основании полученных результатов также удалось выделить некоторые общие черты личности, значимой для социальной сети образовательного мигранта. По первому пункту – трудолюбие – больше половины индивидов (55%) получили максимальную оценку, 20% – оценку 4, 17% – нейтральную 3. Таким образом, можно предположить, что трудолюбие является достаточно весомой характеристикой для включения индивида в наиболее важные члены социальной сети. Во втором пункте 44% опрошенных подчеркнули максимальный балл и 43% поставили оценку 4; таким образом, подавляющее большинство считает значимых членов сети одаренными в профессиональном плане людьми. По третьему пункту мнение студентов ТГУ и ТПУ несколько расходятся: в первом случае на первое место вышла оценка «4» – 23% от всего числа опрошенных, оценка «5» на втором месте – 19%. В ТПУ распределение следующее: оценки «3», «4» и «5» получили одинаковое количество – 13%. Возможно объяснить это гендерными характеристиками индивидов (большинство описываемых женского пола) или факультетом обучения (ТГУ – классический вуз, большинство опрошенных обучается на гуманитарных факультетах; опрошенные в ТПУ в основном учатся на технических специальностях, 75% из них – мужского пола). При этом описываемые индивиды ТПУ намного более стеснительные при общении, чем в ТГУ, – 32% и 11% соответственно.

В пункте «Знание русского языка» оценка «5» получила одинаковое количество процентов – 8%, оценку «4» студенты ТГУ ставили вдвое реже, чем

¹ Совпадений между студентами ТГУ и ТПУ выявлено также не было.

в ТПУ, – 10% и 20% соответственно. С оценкой «3» ситуация прямо противоположная – 20% и 10%. Таким образом, несмотря на то, что в интервью многие респонденты отмечали свой собственный недостаточный уровень знаний – при ответах на вопрос о значимых членах сети знание русского языка является одним из ключевых.

Любопытные оценки получил последний пункт: В ТГУ 43% отметили, что значимые члены сети вообще не помогают им с выполнением заданий. В ТПУ распределение оказалось противоположным: те же 43% получили в совокупности оценки «5» и «4». Таким образом, с некоторой степенью вероятности можно утверждать, что значимые для социальной сети индивиды из ТГУ более самостоятельны в учебе и подготовке к занятиям.

Таким образом, подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что в общем случае социальная сеть образовательного мигранта из Китая строится на основе шести параметров:

1. Профессиональные успехи индивида – человек, который успешен в учебе, получает доступ в сеть, так как может обладать ресурсами, необходимыми в сети (помощь с подготовкой к занятиям, с выполнением заданий);

2. Формальные дружеские взаимосвязи, в большинстве случаев основанные на территориальном соседстве (*мы соседки по комнате, поэтому дружим*);

3. Реальные дружеские взаимоотношения (*мы хорошие друзья, она мне помогает во всем*);

4. Факт владения индивида русским языком (*...когда я приехала, она была единственная из группы, кто мог понимать, что говорит преподаватель, она также с удовольствием общается, постоянно помогает другим людям*);

5. Факт старшинства: староста группы представляет собой некоторую ролевую модель для поведения остальных участников¹, за ним признается главенство на основных этапах жизнедеятельности сети, в особенности в профессионально-научном плане (*Лю Яньчунь как старшая сестра, мне очень многому стоит у нее поучиться*);.

6. Факт наличия индивида в одной студенческой группе с респондентом, при этом они могут быть даже не знакомы друг с другом. Скорее всего, эти индивиды будут русскими по национальности (*Саша – русский, поэтому с ним нужно общаться. Но мы пока не знакомы*).

В общем, существующие социальные сети выполняют все основные возложенные на нее функции: информативную (передача необходимой информации о занятиях), транзитивную (предоставление информации о способах поступления, возможностях при выпуске и т.д.), адаптивную (помощь в обустройстве быта, помощь при подготовке к занятиям) [16, 18]. Особенно важны компенсаторно-заместительная функция и функция социального маркирования: в любом типе взаимосвязи отсутствуют русские по национальности или хотя бы русскоговорящие индивиды, более того, круг общения ограничивается, в лучшем случае, знакомствами с соотечественниками в пределах университета, но обычно взаимосвязи не выходят за рамки студенческой

¹ Большинство опрошенных (около 70%) обучаются либо в «закрытых» китайских студенческих группах, либо в группах, где китайцы составляют их большую часть. Поэтому староста группы обычно также является образовательным мигрантом из Китая.

группы. При этом большинство респондентов указывают, что общения с русскоговорящими студентами им не хватает. Таким образом, можно отметить, что в университетах практически отсутствуют механизмы включения и участия в социальных сетях образовательных мигрантов из стран Азии

Проведенное социологическое исследование выявило основные способы формирования социальных сетей в университете образовательными мигрантами. Практическое отсутствие в них русскоговорящих студентов является одной из ключевых проблем в образовательной среде мигрантов. Включение их в социальную сеть средствами извне, доступными университету, возможно несколькими способами:

- увеличение количества часов в преподавании русского языка мигрантам;
- соседство образовательных мигрантов с русскоговорящими студентами в общежитиях – это в значительной степени повышает не только уровень общей образованности иностранного студента, но и расширяет его круг общения, а также сокращает адаптационный период на месте обучения;
- увеличение числа культурных мероприятий в университетах, включающих в себя экскурсии, специальные лекции, праздники и т.п., где присутствие и участие образовательных мигрантов было бы обязательным;

Все вышеперечисленное поможет не только повысить общий образовательный уровень мигранта, но и приобрести необходимый в будущем социальный капитал, позволяющий стать востребованным специалистом. Университет, в свою очередь, получает лояльного студента, будущего хорошего специалиста, востребованного на рынке труда, а также рекомендующего университет другим членам своей собственной сети.

Литература

1. Анохина Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 51–54.
2. Арефьев А.Л. Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 10. С. 54–66.
3. Арефьев А.Л. Иностранные студенты в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2012. 227 с.
4. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: учеб. пособие / под ред. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. 248 с.
5. Грановеттер М. Сила слабых связей / пер. с англ. З.В. Котельникова // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–51.
6. Калмыков П.Н. Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 2013. 30 с.
7. Клименко Е.В. Этнические различия и толерантность: к проблеме разработки социально-культурных программ формирования межнациональной толерантности // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 3. С. 46–50.
8. Китайские, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты / под ред. Е.Ю. Коселевой. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 420 с.
9. Пащенко Г., Фен И., Сян О. Отношение родителей и детей в Китае. [Электронный ресурс]. URL <http://migha.ru/sistema-obrazovaniya-v-kitae-stranica-6.html> (дата обращения: 02.07.2015).
10. Полосина Е.В. «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / отв. ред. Р.К. Тангалычева, И.А. Коргун. 2012. С. 435–442.
11. Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования // Россия в БРИКС. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (дата обращения: 19.09.2016).

12. Флешлер О.И., Комогоорцева В.Г. Культурное взаимодействие и культурный шок. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/25_DN_2008/Psihologia/29110.doc.htm (дата обращения: 02.09.2016).

13. Центр новостей ООН: В 2015 году число мигрантов достигло 244 миллиона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.V8ls9vmLSUk> (дата обращения: 02.09.2016).

14. Barnes J.A. Class and communities in Norwegian parish // *Human relations*. 1954. № 7. P. 39–58.

15. Bodycott P., Lai A. The influence and implications of Chinese culture in the decision to undertake cross-border higher education // *Journal of Studies in international education*. 2012. № 16 (3). P. 252–270.

16. Cederberg M. Migrant networks and beyond: Exploring the value of the notion of social capital for making sense of ethnic inequalities // *Acta Sociologica*. Vol. 55. 2012, № 1. P. 59–72.

17. Chua G. Mothers from China face harsh rules in Singapore 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thibkcentre.org/article.cfm?ArticleID=2210> (дата обращения: 02.09.2016).

18. Dolfin S., Genicot G. What Do Networks Do? The Role of Networks on Migration and “Coyote” Use / March 2006. 34 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://faculty.georgetown.edu/gg58/Coyote.pdf> (дата обращения 02.07.2016).

19. Gibbons, S., Silva, O. & Weinhardt. F. (2015) Everybody needs good neighbours? *The Economic Journal*. 123. pp. 831–874. DOI: 10.1111/eoj.12025.

20. Lin N. Social capital: a theory of social structure and action // *Structural Analysis in the Social Sciences Series*; ed. by M. Granovetter. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001, 276 p.

21. Rohrich B.F., Martin J.N. Host country and re-entry adjustment of student sojourners // *International Journal of Cultural relations*. 1991, № 15(2). P. 163–182.

Samofalova Elena I. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/31

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL MIGRATION (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

Keywords: educational migration, social network, Chinese migration

The paper is deal with the study of social networks in the educational migration of migrants from China and prospects of its future development. As a result of sociological research (used methods: the composition of the matrix of social relations and interviews), the author finds out the basic ways of formation of social networks of migrants in the university, explores its inner and outer structure and reveals mechanisms of interaction between members of the network with the Russian-speaking students and teachers. The article also presents the main problems faced by educational migrants from China at the educational process. Finally, there is a list of recommendations for a more effective integration of migrants into the educational environment of the Russian university.

References

1. Anokhina, E.S. (2012) Chinese Diasporas of the USA and Canada and new Chinese migration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 355. pp. 51–54. (In Russian).

2. Arefiev, A.L. (2010) Kitayskie studenty v Rossii [Chinese students in Russia]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 54–66.

3. Arefiev, A.L. (2012) *Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzakh* [International students in Russian universities]. Moscow: Centre for Social Research.

4. Gradoselskaya, G.V. (2004) *Setevye izmereniya v sotsiologii* [Network measurement in sociology]. Moscow: Novyy uchebnik.

5. Granovetter, M. (2009) The Strength of Weak Ties. Translated from English Z.V Kotelnikov. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 10(4). pp. 31–51. (In Russian).

6. Kalmykov, P.N. (2013) *Sovremennaya kitayskaya diaspora. Rossiya v strukture mezhdunarodnoy kitayskoy migratsii* [A Modern Chinese Diaspora. Russia in the structure of the international Chinese migration]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

7. Klimenko, E.V. (2012) Ethnic difference and tolerance: introducing of socio-cultural projects of developing of inter-ethnic tolerance. *Vestnik SPbGUKI*. 3(12). pp. 46–50. (In Russian).

8. Kosheleva, E.Yu. (2013) *Kitayskie, v'etnamskie, mongol'skie obrazovatel'nye migranty* [Chinese, Vietnamese, Mongolian educational migrants]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Pashchenko, G., Fen, I. & Xiang, O. (n.d.) *Otmoshenie roditel'ey i detey v Kitae* [The relationships between parents and children in China]. [Online] Available from: <http://migha.ru/sistema-obrazovaniya-v-kitae-stranica-6.html>. (Accessed: 2nd July 2015).
10. Polosina, E.V. (2012) "Koreyskaya volna" v strategii natsional'nogo brendinga Yuzhnoy Korei [The "Korean Wave" in the strategy of South Korea national branding]. In: Tangalycheva, R.K. & Korgun, I.A. (eds) *Mezhkul'turnye vzaimodeystviya v usloviyakh globalizatsii: opyt Rossii i Korei* [Intercultural interaction in the conditions of globalization: The experience of Russia and Korea]. St. Petersburg: Skifiya-Print. pp. 435–442.
11. Ryazantsev, S.V. (n.d.) *Kitayskaya migratsiya v Rossiiu: tendentsii i strategii regulirovaniya* [Chinese migration to Russia: Trends and management strategies]. Available from: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD>. (Accessed: 19th September 2016).
12. Fleshler, O.I. & Komogortseva, V.G. (2008) *Kul'turnoe vzaimodeystvie i kul'turnyy shok* [Cultural interaction and culture shock]. [Online]. Available from: http://www.rusnauka.com/25_DN_2008/Psihologia/29110.doc.htm. (Accessed: 2nd September 2016).
13. *The UN News Centre*. (n.d.). *V 2015 godu chislo migrantov dostiglo 244 millionov* [In 2015, the number of migrants reached 244 million]. [Online] Available from: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.V8ls9vmLSUk>. (Accessed: 2nd September 2016).
14. Barnes, J.A. (1954) Class and communities in Norwegian parish. *Human relations*. 7. pp. 39–58. DOI: 10.1177/001872675400700102
15. Bodycott, P. & Lai, A. (2012) The influence and implications of Chinese culture in the decision to undertake cross-border higher education. *Journal of Studies in International Education*. 16(3). pp. 252–270. DOI: 10.1177/1028315311418517
16. Cederberg, M. (2012) Migrant networks and beyond: Exploring the value of the notion of social capital for making sense of ethnic inequalities. *Acta Sociologica*. 55(1). pp. 59–72. DOI: 10.1177/0001699311427746
17. Chua, G. (2003) *Mothers from China face harsh rules in Singapore 2003*. [Online] Available from: <http://www.thibkcentre.org/article.cfm?ArticleID=2210>. (Accessed: 2nd September 2016).
18. Dolfin, S. & Genicot, G. (2006) *What Do Networks Do? The Role of Networks on Migration and "Coyote" Use*. [Online] Available from: <http://faculty.georgetown.edu/gg58/Coyote.pdf>. (Accessed: 2nd July 2016).
19. Gibbons, S., Silva, O. & Weinhardt, F. (2015) Everybody needs good neighbours? *The Economic Journal*. 123. pp. 831–874. DOI: 10.1111/econj.12025.
20. Lin, N. (2001) Social capital: a theory of social structure and action. In: Granovetter, M. (ed.) *Structural Analysis in the Social Sciences Series*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
21. Rohrllich, B.F. & Martin, J.N. (1991) Host country and re-entry adjustment of student sojourners. *International Journal of Cultural Relations*. 15(2). pp. 163–182. DOI: 10.1016/0147-1767(91)90027-E.